

французы, традиций. Они могут иметь большой успех на театральной сцене, в костюмированных ассамблеях. Но в научном отношении они никакой цены не имеют. Скорее наоборот — представленные художником «силуэты» могут ввести этнографа и других специалистов в заблуждение. Весьма вероятно, что художник рисовал не по представлениям личной фантазии, что он имел перед собой научно зарисованные или снятые фотографией образцы. В тексте дан особый список источников, большинство очень давнего времени. Так, для Австрии указаны издания 1804, 1813 и другие — начала XIX в. Из более новых упомянута лишь одна работа: *N a m m e r s t e i n*, *Trachten der Alpenländer*, 1930. Для Венгрии указаны книги сравнительно более новые — начала XX в., в частности издания этнографического отдела Национального музея Венгрии, из них: для Чехословакии указаны известные чешские издания в Праге 1923 г. и др., Польша показана в источниках по народному искусству, но по костюму — мало. В научной же литературе польских этнографов этот раздел представлен богато. Не отрицая художественного интереса воспроизведенных красочных схем народного костюма, надо признать, что для специалиста-этнографа нужны не они, а работы, подобные указанным в библиографическом списке.

Вл. Богданов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

E. Neufeld, *Ancient hebrew marriage law*, With special references to general semitic laws and customs, London — New York — Toronto, 1944, XIX—304.

Новейшая, наиболее обширная и наиболее обстоятельная монография на тему, имеющую уже довольно значительную специальную литературу. Работа состоит из четырех частей. Часть первая — «Формы брака» — посвящена левирату, матрилокальному поселению, особой форме брака с удочерением свободной женщины, браку путем похищения, браку с обоюдного согласия, покупному браку, приданому, предбрачному дару и прочим свадебным подаркам, многоженству и конкубинату. Во второй части, «Заключение и расторжение брака», исследуются брачный выбор, сговор, свадебные обряды, брачный контракт, внебрачные связи, развод. Третья часть посвящена препятствиям к заключению брака, в частности — родству и свойству, запрещению брака для жрецов, этнической принадлежности и религии; особо разбираются вопросы о браке евнухов и незаконнорожденных. Часть четвертая трактует вопросы правового положения родителей и детей, мужа и жены. Приводится библиография предмета, однако, далеко не исчерпывающая.

М. К.

Henry Field and J. B. Glubb, *The Jezidis, Sulubba and other tribes of Iraq and adjacent regions* (General Series in anthropology, № 10), Menasha, Wisconsin, U. S. A., 1943, 17.

Краткий очерк известного американского антрополога Генри Фильда содержит интересные и ценные сведения о езидах, обитающих в качестве оседлых земледельцев, в числе около 25 тысяч человек, в Ираке, преимущественно в округах Балад Синджар и Шейх Ади. Сообщив о различных предположениях касательно происхождения и миграций этой группы и дав справку об их политических судьбах последнего времени, автор описывает преимущественно их религию и религиозную организацию. Данный материал был собран автором во время его экспедиции, имевшей преимущественно антропологические цели, в Ирак от Фильдовского музея в 1934 году. Еще более краткая заметка колониального офицера Глебба сообщает беглые сведения об одном спорного происхождения племени — сулубба (согласно некоторым домыслам, они считались потомками крестоносцев). Кочуя крайне изолированно в наименее доступных местах пустыни, племя это находится однако в подчинении у арабов — бедуинов, которым платит дань. Такими же «низшими» считаются у арабов и некоторые другие кочевые племена Ирака, этнографически значительно отличающиеся от сулубба.

М. К.

Chr. Furer-Haimendorf, *The Chenchus, Jungle folk of the Deccan*, London, 1943, XXII + 391.

Эта книга представляет собой первый том задуманной автором серии «The aboriginal tribes of Hyderabad». Автор, австрийский ученый, переселившийся перед войной в Англию, известен уже своими многочисленными работами о племенах Восточной Индии, печатавшимися в течение ряда лет в журналах «Anthropos», «Journal of the Royal Anthropological Institute» и др. Его работа «The Naked Nagas», вышедшая в 1939 г., содержит интересные данные о народе коньяк — одном из племен нага в Ассаме. Книга о племени ченчу, до сих пор мало изученного в этнографическом отношении, — результат двухлетней полевой работы автора среди племен Хайдерабада. Из общего числа ченчу (около 4000) автор выбрал группу в 426 человек, живущую на Амрабадском плато в среднем течении Кистны, так как эта группа менее других подверглась внешним влияниям. Шесть месяцев 1940 г. автор изучал только эту группу и собрал

интересный материал. Автор характеризует географическую и этнографическую среду, экономику, материальную культуру, способы добывания пищи, социальную организацию, обычаи, религию, наконец останавливается на вопросах социального контакта ченчу с различными группами индийского населения и высказывает свои предположения о путях дальнейшего развития этого племени.

Новейшие антропологические классификации народов Индии Эйкштедта (E. v. Eickstedt) и Гуха (B. S. Guha) относят ченчу не только к доарийским, но и к додравидийским аборигенам Индии. Придерживаясь классификации Эйкштедта, автор относит ченчу к малидской подгруппе (Malid), входящей в состав антропологической группы веддидов (Weddid), к которой принадлежит хорошо известное этнографическое племя ведда на Цейлоне. В настоящее время ченчу говорят на диалекте телугу, одного из дравидийских языков Южной Индии, с примесью слов урду. Известно, что еще в XVII в. ченчу говорили на своем языке, непонятном для телугу. Ченчу ведут полукочевой образ жизни в южной части Хайдерабада, в малодоступных, покрытых джунглями горах, что определило их экономику и надолго изолировало от культурных влияний соседних народов. Наряду с постоянными поселениями (от 3 до 10 хижин), где они проводят дождливый и холодный сезон, ченчу имеют и временные жилища, разбросанные в разных местах их кочевий, куда переселяются на остальное время года. Их постоянное жилище представляет собой круглую хижину, от 2,5 до 4,5 м в диаметре, с плетеными стенами, высотой менее полутора метров, и конусообразной крыши из бамбука, покрытого травой. Обычно в таком доме живет одна семья. Временные жилища еще проще. Это — шалаша из ветвей и листьев, а иногда просто убежище под скалами. Охота с луком и самое примитивное собирательство являются основными средствами существования ченчу. Ничего не заготавливается про запас. Семья живя только тем, что ей удастся собрать сегодня. Мужчины и женщины принимают одинаковое участие в добывании пищи, собирательством занимаются и те и другие. Разделение труда даже по полу у ченчу выражено менее ярко, чем у многих примитивных народов. Но все же охота с луком, плетение корзин и изготовление орудий являются делом мужчины, а приготовление пищи лежит на обязанности женщины. Предметом очень незначительного, в общем, обмена с соседними, более культурными народами являются разные фрукты, мед, цветы одного из местных растений, из которых изготавливается напиток вроде пива или вина, и плетеные из бамбука изделия. В обмен ченчу получают куски ткани (до недавнего времени их заменяли листья и плетеные из травы переноски), ножи, наконечники для стрел и украшения. Обмен этот происходит преимущественно при посредстве скупщиков, изредка наезжающих к ченчу. Некоторые группы ченчу, главным образом живущие на равнинах, занимаются скотоводством, но они уже в значительной степени акклиматизировались с местным населением. Совершенно не справился автор с исследованием общественной организации ченчу, в частности рода, придя к абсурдному выводу о недавнем его появлении у ченчу, под влиянием окружающей среды.

Последний раздел книги посвящен проблеме «аккультурации» и предположениям о возможном будущем ченчу. Дело в том, что в результате контакта с индустской, мусульманской или европейской культурой, выражающегося в экспроприации земель аборигенного населения, проведении дорог через его территории, распространении откупов на различные продукты его труда, туземцы катастрофически быстро идут к физической, экономической и духовной деградации. Лишенные земель и защиты своих общинных учреждений, они превращаются в толпы бездомных, скитающихся по дорогам и наводняющих базары мелких и крупных индийских городов. Презираемые и гонимые, они представляют неразрешимую проблему для английского правительства и индийского общества. С 30-х годов нашего века, по инициативе этнографов и антропологов, центральным и местными правительствами Индии были приняты законодательные акты с целью воспрепятствовать столь быстрому вырождению туземного населения. Актом 1935 г. были созданы резерваты для туземцев некоторых районов, которые изымались из ведения провинциального законодательства и отдавались непосредственно под власть губернатора или министра, под его наблюдение. На этих территориях, таким образом, должна была быть ограничена хищническая инициатива частных предпринимателей. Но местами и эти полумеры были либо отменены, либо сведены на-нет. По инициативе нашего автора, правительством Хайдерабада в 1942 г. был создан для ченчу резерват на 5 лет и издано положение, предоставляющее им ряд льгот в пределах этого резервата. Цель этого мероприятия, по мысли автора, состоит в том, чтобы первобытным собирателям облегчить переход к скотоводству и садоводству.

М. Кудрявцев.

М. В. Е м е н а у. 1) *Toda marriage regulations and taboos*, «American Anthropologist», 1937, 1; 2) *Personal names of the Todas*, «American Anthropologist», 1938, 2; 3) *Language and social forms. A study of Toda kinship terms and dual descent*, in: «Language, culture and personality, Essays in memory of Edward Sapir», Menasha, 1941.

Племя тода (Южная Индия) уже с давних пор привлекает внимание этнографов. Когда в 1901 г. к тода поехал Риверс, ученые упрекнули его в том, что он едет к столь хорошо изученному народу. «Один из них, — пишет Риверс, — даже сказал, что.